

ствовал злобы, личной злобы... Тут такая же разница, как между ножом врача и кинжалом. Оба режут, но кинжал убивает, а скальпель — целит... Иной правитель казнит, содрогаясь от скорби: этот может быть святым. Другой казнит, смакуя, бахвалясь, — он гнусный убийца... Первый включает свою страну в круг Добра, и тайные добрые силы всего мира помогают ему, второй ввергает её в смерч Зла, и силы ада рано или поздно погубят правителя и управляемых»¹². Василию Витальевичу импонировало и то, что Столыпин «выдвинул как программу действий правительства борьбу с насилием революционным, с одной стороны, и борьбу с косностью — с другой. Отпор революции, покровительство эволюции — таков был его лозунг»¹³. Но «эволюции не хотели ни слева, ни справа. Дубровин был противник Столыпина справа. Левые ответили на эволюцию бомбами...»¹⁴

«СЕЗАМ, КОТОРЫЙ ОТПИРАЕТ ВСЕ ЗАПОРЫ»

Ещё не ведая, какая историческая перспектива предначертана европейским праворадикальным диктатурам, Шульгин назвал Столыпина «предтечей Муссолини»; но несравненно ближе к реальности он был тогда, когда полагал, что он «по взглядам был либерал-постепеновец; по чувствам — националист благородной, «пушкинской», складки; по дарованиям и темпераменту — природный «верховный главнокомандующий», хотя он и не носил генеральских погон. Столыпин, как мощный

волнорез, двуединой системой казней и либеральных реформ разделит мятущуюся стихию на два потока. Правда, за Столыпина стало меньшинство интеллигенции, но уже с этой поддержкой, а главное, черпая свои силы в сознании моральной своей правоты, Столыпин раздавил первую русскую революцию»¹⁵.

Шульгин полагал, что при отсутствии у монарха силы воли, рядом с ним должен быть вождь. «Для русских наивыгоднейшая форма общежития есть Вождичество... Это ничуть не задевает вопроса о народном представительстве, парламентаризме и прочих «формах». Всё сие есть именно форма, а не существо правления»¹⁶. Здесь, правда, Василий Витальевич лукавит, поскольку роль Петра Аркадьевича в роспуске Думы и «третьиюньском перевороте» была ему хорошо известна. У Столыпина «была двуединая система: в одной руке — пулемёт, в другой — плуг. Залпами он отпугивал осмелевших коршунов: но мерами органического характера он стремился настолько усилить русское национальное тело, чтобы оно своей слабостью не вводило во искушение шакалов. Эта психология должна была проникать и в его отношение к еврейскому вопросу. Он не мог не считать «ограничения» евреев временными и развращающими русское население. Последнее привыкло жить в оранжерейной атмосфере, в то время как евреи воспитывались в суровой школе жизни. Кроме того, эти

П. А. Столыпин. в Государственном совете на открытии заседаний в новом зале Мариинского дворца.

ограничения отнюдь не защищали русское население в самой важной области — там, где формируются текущие идеи, дух времени... перед Столыпиным и в еврейском вопросе стояла задача: органическими мерами укрепить русское национальное тело настолько, чтобы можно было постепенно приступить к снятию ограничений. Если таковы были действительно намерения Столыпина, то вместе с тем он не мог, конечно, не понимать, какой вой поднимут его враги справа, если он «вступит на путь» (а врагов у него было достаточно не столько в «хижинах», сколько — во «дворцах»)»¹⁷.

Если бы Столыпин дожил до Первой мировой, полагал Шульгин, то «во главе русского правительства, вместо малозначащих людей, стоял бы человек масштаба Клемансо и Ллойд-Джорджа. И, разумеется, первое, что сделал бы этот большой человек, — он осуществил бы идею «внутреннего парламентского мира» с оппозицией»¹⁸. Характерно, что монархист Шульгин не верил в то, что Николай II сможет вывести Россию из кризиса и привести к победе в войне. Неоднократно ругая аристократию за потерю «инстинкта» власти, критикуя её вырождение, Василий Витальевич противопоставлял ей премьера: «Когда «графья и князья» становятся писателями и поэтами, они теряют прирождённую властность, то есть становятся к власти неспособными. Им надо уходить с командных постов добровольно и заблаговременно. Если они этого не сделают, их столкнут выходцы из низов. Они будут править, пока тоже не выроются. Столыпин не выродился... Этот аристократ не писал ни стихов, ни

